

«УШЕДШИЕ В ВЕКА»: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ НЕКРОЛОГА (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛОВ ПРИРОДЫ И ОХОТЫ)

О. Ю. Васильева

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье впервые введенные в научное обозрение некрологи «памяти русских охотников», опубликованные на страницах дореволюционных журналов природы и охоты конца XIX — начала XX вв., анализируются в рамках лингвопрагматического подхода. В ходе исследования выявлены жанрообразующие параметры текстов (функционально значимые, диктумно-тематические, композиционно-структурные) и способы их репрезентации. В заключение сделаны выводы о жанровой природе, полифункциональности, языковой формульности текстов, предлагается собственно авторское определение некролога как особого речевого жанра.

Ключевые слова: некролог, институциональный дискурс, жанрообразующие параметры, интенциональная установка, полифункциональность, панегирическая традиция, языковая формульность.

Abstract: the article analyzes the obituaries of the “memory of Russian hunters” for the first time introduced into scientific review, published on the pages of pre-revolutionary nature and hunting magazines of the late XIX — early XX centuries within the framework of a linguopragmatic approach. The study revealed genre-forming parameters of texts (functionally significant, dictum-thematic, compositional-structural) and ways of their representation. Conclusions are drawn about the genre nature, polyphony, linguistic formularity of texts, and the authors’ definition of an obituary as a special speech genre is proposed.

Keywords: obituary, institutional discourse, genre-forming parameters, intentional attitude, multifunctionality, panegyric tradition, linguistic formularity.

Некролог входит в состав речевых высказываний, написанных «на память/в память», таких, как извещение о смерти, выражение соболезнования, надгробная речь, поминальный тост и др., и является жанром, который создается «только раз в жизни» [1, 32]. А главное — посвящен издревле волнующей человечество теме — «возможности говорить о смерти» [1, 20].

В современных гуманитарных науках отмечается многообразие подходов к исследованию некрологических текстов [2], которые реализуются в рамках литературно-творческого наследия [3; 4], в ракурсе журналистской интерпретации [5], в аспекте коммуникативно-дискурсивного анализа [6; 7; 8].

В коммуникативно-прагматическом отношении некролог является одним из жанров институционального дискурса, который в интерпретации российского лингвиста В. И. Карасика понимается как «коммуникация в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [9, 61]. В этом смысле некролог включен в сферу действия корпоративной культуры и адресован близким, коллегам, соратникам. По сути, в некрологе покойного характеризуют «как члена определенного профессионального сообщества...» [7, 55], а сам некролог как «выражение скорби коллектива целой организации» [7, 56].

Некролог имеет социокультурное значение, поскольку фиксирует прижизненные достижения выдающегося деятеля своего времени после его кончины. По справедливому замечанию С. Т. Пальчук и Т. Б. Маклаковой, «98% информации некролога — про жизнь. В нем только два предложения о том, где и в каком возрасте человек умер. А весь остальной текст — это трактовка жизни этого человека» [8, 165].

Всем этим требованиям отвечают зафиксированные в журнальной беллетристике дореволюционной эпохи некрологи. Эмпирической базой исследования послужили 14 текстов, извлеченных из журналов природы и охоты конца XIX — начала XX вв.: «Русский охотник» (1890-1895), «Дневник охотника» (1891-1893), «Псовая и Ружейная охота» (1894-1907), «Семья охотников» (1908-1914), «Природа и охота» (1878-1912). «Увековечиванию» [10, 1] удостоились преданные «привольной охоте» яркие представители охотничьего сообщества, чей жизненный и творческий путь пришелся на этот период. Среди них — «старый тип истинного страстного охотника» (Х. С. Зиммерлинг, Э. А. Новицкий), охотники-общественные деятели (А. Ф. Федоров), охотники-писатели (В. В. Де-Коннор, А. А. Черкасов), охотники-редакторы (Н. П. Ермолов, С. В. Озеров), охотники-редакторы-издатели (Г. Г. Мин). Выбранные источники представляют особую ценность: со-

держат неизвестные сведения и факты разносторонней деятельности охотников-профессионалов той поры.

Возникший интерес к так называемым «охотничьим» некрологам обусловлен неоднозначной их коммуникативно-жанровой природой. Они включают интенции разных дискурсивных практик, в соответствие с которыми реализуются функции этих текстов: информационная, панегирическая, аккумулятивная, функция «конструирования социальных смыслов» [1, 36], функция реконструирования образа умершего. Интерпретация некролога в рамках лингвистического жанроведения открывает новое его понимание и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования — выявить базовые жанрообразующие параметры рассматриваемых некрологов и способы их репрезентации. Методология, основанная на принципах лингвожанроведческого анализа, позволяет изучить функции и средства языкового воплощения жанрообразующих этих текстов.

Предметно-тематическое своеобразие некрологов соответствуют их интенциональной установке — увековечить имена и деяния значимых для охотничьей субкультуры людей, что подтверждают формулировки заголовков: «В память Александра Александровича Черкасова» [12, 358]; «Памяти Сергея Владимировича Озерова» [13, 619]; «Памяти охотника» [14, 324] (о Христиане Семеновиче Зиммерлинге); «Памяти друга» [15, 73] (о В. В. Де-Конноре). В заголовке некролога о Николае Петровиче Ермолове выражено отношение автора к герою: «В память незабвенного учителя» [16, 425]. Зафиксированы наименования некрологов, в которых обозначен вектор описания героя — «К портрету» [17, 246] (об Александре Михайловиче Ломовском).

Своеобразной преамбулой в иницирующей части текстов-некрологов следует считать стандартную информацию — это сообщение о кончине того или иного охотника с указанием даты смерти и ее причинах, которая, как правило, воспринимается членами охотничьего общества с огромнейшей скорбью и глубоким чувством сожаления. Эта часть структурно-текстовой организации жанра некролога имеет разные способы языкового воплощения:

1. Стандартно, при помощи базового перформативного глагола «скончался»: «5-го сего июня, в 9 часов утра, скончался в усадьбе «Лочкино», Тверской губернии, после продолжительной и тяжелой болезни, А. Ф. Федоров» [18, 211]; «9-го ноября скончался, 78 лет от роду, Георгий Георгиевич Мин, редактор-издатель первого охотничьего органа в России «Журнала Охоты» [19, 741]; «14 октября 1903 г. от паралича сердца скончался Сергей Владимирович Озеров...» [20, 620].

2. Метафорически, глаголами с переносным значением «не стало», «смерть вырвала», «покинул»:

«11 мая 1890 года его не стало!» [16, 425]; «...смерть, безжалостно вырвав из наших охотничьих рядов совсем еще бодрого и по годам не старого человека...» [14, 73]; «Поздним вечером 14-го октября он правил корректуры журнала; вдруг ему стало не по себе, а через минуту редакторский карандаш сжимала уж холодеющая рука... стремительно покинул он семью охотников» [13, 619].

3. Описательно, при помощи устоявшихся, формульных сочетаний, среди которых — «спешу сообщить», «не можем обойти молчанием», «не могу не выразить», «считаем священным долгом известить»: «Спешу сообщить о последовавшей кончине нашего собрата по страсти, Эмерика Александровича Новицкого...» [21, 55].

Строки сожаления об утрате, зачастую сопровождающиеся традиционной для русского языкового сознания формулой самоуничижения со стороны автора некролога, облечены в форму риторического вопроса: «Зачем приходится переживать сознание, что возле меня не стало человека, на братскую помощь которого я всегда мог рассчитывать?...» [22, 84]. Подобные размышления авторов некрологов с интенцией переживания инкрустированы и конструкциями с риторическими восклицаниями, как в некрологе о С. В. Озерове: «Больно и обидно, господа!... Нет сил выразить мою скорбь и печаль! Велика заслуга Сергея Владимировича! Тяжела потеря!» [23, 621]. В тексте об А. А. Черкасове находим: «Редает круг старых охотников-писателей!.. Немного уж их осталось, и известие о смерти одного из последних тяжело отзывается в душе истинных охотников. Кто их заменит?! Да и возможна ли в наше время эта замена?» [24, 281]. Важным и определяющим жанровым параметром композиционной структуры некролога стала информация о биографических данных того или иного ушедшего от нас представителя Охотничьего сообщества. Так, в некрологе об А. Ф. Федорове отмечены факты его профессионального роста: «Покойный состоял членом Московского Общества охоты (впоследствии почетным членом) с 15 марта 1874 г., директором — с 1878 г., и секретарем того же Общества — с 1879 г. В Императорском Обществе правильной охоты А. Ф. состоял долгое время сначала членом-любителем, а затем непременно членом и казначеем до самой своей кончины...» [18, 211]. Во многих текстах упомянуты достижения в сфере издательской деятельности: «В течение многих лет покойный неутомимо, с редкой энергией, всесторонним знанием охотничьего дела, работал в нашей литературе. Отдел собаководства на страницах «Псовой и ружейной Охоты» развит был до широких пределов благодаря его участию, которым он вносил много разнообразного, дельного и интересного материала...» [25, 73]. При характеристике заслуг С. В. Озерова важен такой факт: «Отдавая всей душой горячо любимому им делу, он сумел

поставить журнал, действительно, на высоту...» [13, 619]. О писателе-охотнике А. А. Черкасове читаем: «*Зап. Охот. Вост. Сиб.*» останутся настольной книгой для каждого охотника по прекрасному, поэтическому изложению охотничьей жизни...» [24, 281].

Неотъемлемой составляющей диктумной организации некролога можно считать и характеристику личностных качеств ушедших. О системе духовно-нравственных ценностей Н. П. Ермолова свидетельствуют следующие строки: «*Его советы — без лицемерия, его помощь — без задней мысли, его отзывчивость не покупная, его расположение, если вы его достойны, до конца дней...*» [16, 425]. А. Ф. Федоров предстает как «цельная натура»: «*Покойный был очень любим в среде своих товарищей-охотников и был ими уважаем. Оно и понятно: он был очень ровен в обхождении, обладал большим тактом, целеустремленностью и сердечностью...*» [18, 211]. Интерпретация духовно-нравственного портрета Георгия Георгиевича Мина строится с помощью антитезы, согласно которой этот писатель-охотник выглядит как истинный профессионал и яркая личность: «*Нельзя не сказать в заключение о прекрасных качествах покойного Георгия Георгиевича, как человека и как литератора. Враг всяких резкостей и замечательно воспитанный, добрый, честный и умный человек*» [19, 741]. Текстоброаующими элементами в этой части некролога становятся языковые средства, позволяющие понять истоки плотного и плодотворного сотрудничества в среде охотников, которое, как оказалось, зиждется на принципах доверия, единения и товарищества, что, безусловно, сближает его с понятием единого целого, чему исторически в русском языковом сознании соответствует понятие *семьи*. Носители русского языка воспринимают слово *семья* и в переносном значении: «группа людей, объединенных общей деятельностью, общими интересами» [11]. Поэтому каждый из членов «охотничьего братства» воспринимает это профессиональное объединение как семейное сплочение. Лексико-семантическими маркерами, эксплицирующими идеи семейной близости, чувства товарищества, ассоциирующиеся с родственными (братскими) отношениями, можно считать такие описательные выражения, как «*семья охотников*», «*охотничье братство*», «*собратья по благородной страсти*», «*дорогой сотоварищ*», «*память нашего бывшего сотоварища*», «*добрый товарищ-охотник*». Гармония духовного и нравственного начала, восходящая к семейным ценностям, отчетливо прослеживается и в словообразовательных особенностях используемых авторами некрологов лексем (*собрать, сотоварищ, соратник*), поскольку большинство из них содержат префиксальный компонент — *со-*, который издревле в русском языке «при добавлении к существительным образует номинации со значением общего участия в чем-либо» [11].

Актуальны описательные наименования-перифразы, содержащие панегирические характеристики персонажей некрологов и подчеркивающие идею их столь успешного и беззаветного служения своему делу: «*истинный поклонник благородной страсти*» [21, 55]; «*беззаветно преданный своему делу работник*» [18, 211]; «*великий вождь последних, но преданных до последних дней славной русской охоты*» [16, 425]. Интересно метафорическое описание достоинств героев некрологов, где сила и мощь их таланта сравнивается с раскидистым деревом, как в тексте о Николае Григорьевиче Бунине: «*Это тело, столь слабое по виду, было мощным, раскидистым деревом по духу, и под ветвями его находили приют и духовную пищу все, кто алкал и жаждал, в ком только еще загоралась охотничья страсть...*» [22, 84]. Зафиксированы метафорические сопоставления героев некрологов с «певцом», «светочем», «маяком», согласно которым охотники-деятели ассоциируются с носителями высоких идей истины и просвещения: «*Замолк певец, никогда не изменившей своим песням, порвались струны, связывающие нас с добрым прошлым русской привольной охоты!...*» [22, 85]; «*Преждевременно угас тот яркий светоч, который много лет подряд блеснул как маяк, освещая путь блуждающим в тумане братьям...*» [20, 620]. Некоторые тексты включают обращение к читателям с просьбой почтить память скончавшегося охотника: «*С душевной и сердечной болью... редакция «Семьи охотников» предлагает читателям журнала почтить память нашего бывшего сотоварища и охотника-писателя скромным сооружением мраморной плиты или бронзовой доски к памятнику, сооружаемому семьей покойного в 1909 году*» [25, 73].

Финальная часть структурно-композиционной организации жанра некролога содержит риторически обусловленные языковые формулы, отсылающие к древней панегирической традиции. С одной стороны, это фразы с пожеланием мирного и вечного упокоения: «*Мир праху твоему, добрый товарищ-охотник и вполне хороший человек*» [18, 211]; «*Мир праху его! Это был истинный охотник, всей душой преданный охотничьей страсти*» [21, 55]. «*Бренному телу вечный покой! Имя Николая Григорьевича будет жить на Руси, пока не потухнет последняя искорка охотничьей страсти*» [22, 85]; «*Спи спокойно, бескорыстный труженик! Людская злоба не дойдет туда, где Истина, Свет и Вечность блистают для обиженных и оклеветанных!*» [21, 55]. С другой стороны, обращения к современникам и потомкам, которые являются связующими элементами между прошлым, настоящим и будущим. Например, «*Мы будем вспоминать тебя, как старый тип истинного страстного охотника*» [14, 324]; «*Увековечим память об учителе учреждением выставочного приза «Ермоловского»*» [16, 425].

В заключение следует констатировать, что в «охотничьих» некрологах доминирующим коммуникативно значимым параметром является их полифункциональность.

Информационная функция некролога проявляется уже в иницирующей части текста, где излагается извещение о кончине того или иного деятеля охотничьего сообщества с чувством глубокого сожаления, а значит, это событие предается огласке. Поэтому некролог — «любой посвященный умершему человеку публичный текст, связанный с ритуалом прощания» [2, 129].

Некролог заимствует черты древней панегирической традиции, которая, с одной стороны, проявляется в риторическом оформлении текста, с другой стороны, в своем прагматическом предназначении, поскольку он создается однажды и «по случаю». В некрологах сама идея одномоментна, требующая немедленного сообщения и скорейшего воплощения, ведь смерть — невосполнимая утрата. Так, и некрологи охотникам обусловлены темпорально-ситуативными условиями своего создания. Каждый текст указывает дату кончины охотника, его достоинства, определяет неопределимый вклад каждого. Как выясняется, эта информация не была доступна современникам.

Аккумулятивная функция закономерно вписывается в диктумное содержание некролога, потому что он адресован «широкому кругу лиц: <...> всем людям, которым доведется прочитать этот текст» [7, 59]. Эта функция некролога реализуется посредством формирования идеи о коллективной памяти, а не только о необходимости осознать утрату всеми членами той или иной социальной группы. В предлагаемых некрологах главная задача — явить миру славные имена охотников, чтобы их знали и помнили потомки.

Согласно функции «конструирования социальных смыслов» [1, 36], некролог, по мнению К. А. Онинко, «оказывается включен в сложную сеть социальных взаимодействий» [7, 56]. В анализируемых текстах авторы показывают отношение представителей тогдашнего охотничьего сообщества друг к другу, их стиль общения и уровень корпоративной культуры. Коммуникация в среде охотников той поры строилась на принципах единения, доверия, товарищества, братства и семейного сплочения, о чем свидетельствуют как обобщающие собирательные номинации, употребляемые в лексиконе охотников («*семья охотников*», «*охотничье братство*»), так и обращения, адресованные конкретным личностям («*собрат по благородной страсти*», «*дорогой сотоварищ*», «*добрый товарищ-охотник*», «*соратник*»).

Функция реконструирования образа умершего мотивирована яркой образно-выразительной составляющей диктумного содержания текста, что, безусловно, связывает некролог с литературной

традицией. Наименования-перифразы, метафорические сравнения, антитезы воплощают духовно-нравственный портрет конкретных образов охотников. Ю. М. Коняева справедливо считает, что «некролог является композиционной разновидностью речевого жанра «портрет» и отличается от других разновидностей характером эмотивности» [6, 451].

Лингвистическая характеристика текстовой структуры некрологов отличается наличием риторических фигур речи (риторических восклицаний, вопросов, обращений), употреблением экспрессивно-оценочных лексических компонентов, использованием языковой формульности (устоявшихся глагольных и субстантивированных сочетаний).

Подводя итоги, сформулируем собственное определение жанра с опорой на лингвопрагматическое его восприятие. Некролог — хронологически и ситуативно обусловленная жанровая речевая форма с ярко выраженной интенциональной установкой, репрезентирующей тему коллективной памяти, фиксацию не только самого факта смерти и необходимости выразить соболезнование, но и характеристику образа, прижизненных достоинств и вклада умершего в общее дело конкретной корпорации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднякова Ю. Р. Специфика перевода некролога как жанра институционального дискурса. Автореферат магистерской диссертации / Ю. Р. Позднякова. — Комсомольск-на-Амуре, 2024. — 72с.
2. Еремеева С. А. «Окно в культуру» и «зеркало социуму»: подходы к изучению некрологических текстов / С. А. Еремеева // Диалог со временем. — 2019. — Вып. 67. — С. 129-145.
3. Морозова А. Ю. Новый мир, новый человек, новая биография: революционный некролог как жанр агиографической литературы / А. Ю. Морозова // Идеи и идеалы. — 2020. — № 12 (2-2). — С. 333-350.
4. Надточий Е. Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина / Е. Е. Надточий // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 463. — С. 42-46.
5. Гордеева Е. Ю. Жанр некролога в истории русской журналистики (на примере библиографической периодики) / Е. Ю. Гордеева // Медиа в современном мире. Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (21-22 апреля 2022 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 2. — СПб.: Медианапир, 2022. — С. 17-18.
6. Коняева Ю. М. «Ушедшие в вечность»: речевая презентация творческой личности в некрологе / Ю. М. Коняева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2017. — Т. 14. — Вып. 3. — С. 443-454.
7. Онинко К. А. Прагматика некролога: позиция автора / К. А. Онинко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2018. — № 9 (42). — С. 50-60.

8. Пальчук С. Т. Коммуникативно-прагматическая модель речевого жанра «Некролог» / С. Т. Пальчук, Т. Б. Макалова // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. — Казань: Бук, 2016. — С. 35-41.
9. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5-2.
10. Шмелева Т. В. Словесная составляющая увековечения как культурной практики / Т. В. Шмелева // Ученые записки Новгородского университета имени Ярослава Мудрого. — 2015. — № 4. — С. 1-5.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999 [электронный ресурс].
12. Яшерев П. В память А. А. Черкасова / П. Яшерев // Псовая и Ружейная охота. — 1895. — № 15. — С. 358-360.
13. Вербицкий Н. Памяти Сергея Владимировича Озерова / Н. Вербицкий // Псовая и Ружейная охота. — 1904. — № 47-48. — С. 619.
14. Чичагов А. Памяти охотника (О Х. С. Зиммерлинге) / А. Чичагов // Русский охотник. — 1895. — № 7. — С. 324.
15. Надеждин Е. Памяти друга (о В. В. Де-Конноре) / Е. Надеждин // Семья охотников. — 1908. — № 4. — С. 73-74.
16. Озеров С. В. Николай Петрович Ермолов. В память незабвенного учителя / С. В. Озеров // Псовая и Ружейная Охота. — 1894. — № 18. — С. 425.
17. Васюков С. А. М. Ломовский (К портрету) / С. Васюков // Русский охотник. — 1892. — № 16. — С. 246.
18. Федоров А. Ф. Некролог // Дневник охотника. — 1892. — № 26. — С. 211-212.
19. Урусов В. Георгий Георгиевич Мин / В. Урусов // Русский охотник. — 1896. — № 47. — С. 741.
20. Писарев А. Сергей Владимирович Озеров. Некролог / А. Писарев // Псовая и Ружейная Охота. — 1904. — № 47-48. — С. 620.
21. Фоминский М. Эмерик Александрович Новицкий. Некролог / М. Фоминский // Псовая и Ружейная охота. — 1894. — № 4. — С. 55.
22. Озеров С. В. Николай Григорьевич Бунин / С. В. Озеров // Псовая и Ружейная охота. — 1902. — № 48. — С. 84-85.
23. Оппоков И. Кончина и похороны С. В. Озерова / И. Оппоков // Псовая и Ружейная Охота. — 1904. — № 47-48. — С. 620-622.
24. Черкасов Александр Александрович. Некролог // Псовая и Ружейная охота. — 1894-195. — № 13. — С. 281.
25. Де-Коннор Валериан Валерианович. Некролог // Семья охотников. — 1908. — № 12. — С. 73.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Васильева О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций

E-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

Dostoevsky Omsk State University

Vasilyeva O. Yu., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Literature and Document Communications

E-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru